

А. А. АНИКЕЕВ

БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА

В исторической литературе Западной Германии в последние годы заметное место заняли аграрно-крестьянские проблемы 20—30-х годов. Интерес к ним буржуазных авторов обусловлен социальными и политическими переменами в капиталистических странах в наши дни. Рост сопротивления крестьянства усилению гнета государственно-монополистических объединений, противоречия между правительствами западных стран в «Агро-Европе», острая идеологическая борьба по вопросам о социальной функции германского фашизма и характере его социально-экономических мероприятий — все это повысило интерес к аграрной политике правительства Гитлера.

Мы попытаемся проанализировать основные направления в историографии данной проблемы, ограничившись литературой последних 10 лет, когда подобные течения обозначились наиболее четко. Современные буржуазные авторы в ФРГ по-разному оценивают мероприятия фашизма в сельском хозяйстве. Среди этих объяснений и оценок отчетливо выделяются четыре основных направления. Одно из них представлено влиятельной группой историков, сплотившихся вокруг директора Института аграрной истории при Высшей сельскохозяйственной школе в г. Хохгейме Г. Франца. С деятельностью Г. Франца, В. Абеля, Г. Хаусхофера и некоторых других связано возникновение академической школы, оказавшей сильное влияние на развитие буржуазной историографии политики фашизма. По научно-политической направленности к ним примыкают также американские авторы Р. Хеберле и К. Ловин.

Представители этой школы образуют псевдолиберальное направление, которое доминирует в современной западногерманской буржуазной историографии. Выходцы из академической школы все больше оттесняют всеильное в период «холодной войны» консервативно-националистическое направление. Последнее в настоящее время представлено лишь отдельными авторами (В. Гёрлиц, Г. Бейер и др.). Лидеры псевдолиберального течения руководят важнейшими исследовательскими центрами в ФРГ, заполняют редакции журналов, весьма активно участвуют в выработке аграрной политики правительства¹.

Характерная черта работ авторов этого направления — стремление отрицать взаимосвязь событий, происходивших в экономической и политической жизни Германии, попытки рассматривать независимо друг от друга социально-экономические процессы и политическую борьбу 20—30-х годов.

В ФРГ издана монография одного из лидеров псевдолиберального направления профессора Геттингенского университета В. Абеля «Аграрные кризисы и аграрная конъюнктура», в которой показаны тенденции развития сельского хозяйства в годы,

¹ Под руководством представителей академической школы в ФРГ создано и функционирует «Общество по изучению истории крестьянства и сельского хозяйства». С 1953 г. общество издает свой периодический орган «Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie». Редакционную коллегию журнала возглавляет Франц. Активное участие в редактировании журнала принимают также Абель, Хаусхофер, Мантель, Зеедорф и др.

предшествовавшие приходу фашизма к власти. Абель весьма скрупулезно описывает положение сельского хозяйства в Веймарской республике. Он анализирует причины и последствия аграрного кризиса 1927—1933 гг., отмечает потоки дешевого хлеба, хлынувшие в Европу из Канады, США и Австралии, характеризует рост производства сельскохозяйственных продуктов внутри Германии, приводит экономические выкладки потребности этих продуктов в стране. Используя данные о размерах кризиса, Абель подчеркивает его губительное влияние на сельское хозяйство. Анализируя более глубокие социально-экономические процессы, автор обнаруживает недостатки своей концепции. Главные причины аграрного кризиса он усматривает в расширении посевных площадей в годы частичной стабилизации и в отсутствии заградительных пошлин. Отсюда Абель делает вывод: кризис показал несостоятельность либеральной продовольственной системы; следовательно, требовалось государственное руководство рыночной конъюнктурой сельскохозяйственных продуктов².

Абель полагает, что аграрной политикой правительства Веймарской республики руководили отнюдь не собственнические интересы юнкерства и торгово-промышленных объединений, а абстрактные идеалы. Теория предельной полезности, отрицающая классовую оценку социально-экономических явлений, которой автор руководствуется как своим методологическим кредо, не позволила ему увидеть ни глубокого классового расслоения немецкой деревни, ни стремительного ее подчинения финансовым капиталом, ни социальной направленности аграрной политики Веймарской республики. Однако, как установили марксистские авторы³, в ходе развития капитализма основные средства производства сконцентрировались в руках юнкерства и крупнокрестьянских элементов. По подсчетам советского историка Н. Сегаля, в 1933 г. юнкерство и капиталистические предприниматели, составлявшие 11,7% всего сельскохозяйственного населения, владели 55,7% земли. В то же время parcelльные крестьяне, доля которых среди жителей села равнялась 53,2%, имели всего лишь 8,5% земли⁴. Глубокое классовое расслоение немецкой деревни, которого не замечает Абель, было следствием не только «естественного» развития капитализма в сельском хозяйстве Германии, но и определенной аграрной политики господствующих классов страны⁵. Политика правительства, направленная на обогащение господствующих классов за счет жизненного уровня широких слоев населения в городе и деревне, привела к сокращению потребления сельскохозяйственных продуктов, к острому аграрному кризису⁶.

Небывалые масштабы аграрного кризиса, который затем перерос в общеэкономический, гибельно отразились на крестьянских хозяйствах. Более 2 млн. из них разорилось⁷. Кризис возник в результате несоответствия методов управления сельским хозяйством в годы Веймарской республики и его объективных нужд. Данное положение, которого не замечает Абель, настолько очевидно, что его не берутся оспаривать другие авторы псевдолиберального направления⁸.

В период республиканского правления юнкеры получили миллионные суммы из фондов «восточной помощи»⁹, заняли сильные позиции в общественно-политических организациях, в судах, органах управления¹⁰. Эту обстановку в немецкой провинции искажает реакционный историк В. Герлиц. В своем панегирике остальбскому юнкер-

² W. A b e l. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur. Hamburg—Berlin, 1966, S. 261, 262, 264.

³ См., например, J. S o l t a. Die Bauern der Lausitz. Eine Untersuchung des Differenzierungsprozesses der Bauernschaft im Kapitalismus. Bautzen, 1968, S. 106.

⁴ Н. С е г а л ь. Аграрная политика германского фашизма. М., 1938, стр. 3.

⁵ См. Г. Г. К о т о в. Аграрные отношения и земельная реформа в Германии. М., 1956, стр. 64—67.

⁶ V. K l e m m. Die Entwicklung der landwirtschaftlichen Produktion während der Agrarkrise von 1927/28 bis 1932/33 in Deutschland. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock» (далее — «WZ»), G.-Reihe, Hf. 2—3, S. 188.

⁷ Г. Г. К о т о в. Указ. соч., стр. 118.

⁸ См., например W. W e b e r. Reichsregierung und Agrarpolitik in der Republik Weimar 1920—1932. — «Berichte über Landwirtschaft», 1967, Bd. 45, Hf. 1, S. 45—48.

⁹ В. В u c h t a. Die Junker und die Weimarer Republik. Berlin, 1959, S. 66.

¹⁰ См. Н. S c h u l d t. Kommunisten — Initiatoren des Kampfes der Werktätigen Landbevölkerung im Kreis Malchin gegen Junkertum und aufsteigende faschistische Gefahr. — «WZ», 1968, Hf. 2—3, S. 207.

ству он выдвигает тезис о том, что юнкеры в годы Веймарской республики были отстранены от власти и участия в политической жизни не принимали. Этот постулат понадобился автору для того, чтобы обосновать апологетическую концепцию о непричастности юнкерства к передаче власти Гитлеру. По утверждению Герлица, юнкеры никакой политической или финансовой поддержки национал-социалистам не оказывали и в фашистском движении не участвовали¹¹. Историки ГДР и прогрессивные авторы Запада неопровержимо доказали, что юнкерство выступило во главе тех социальных сил деревни, которые активно способствовали установлению фашистской диктатуры. Вопреки заявлению Герлица о том, что дворянские общества, такие, как «Клуб господ» в Берлине и «Немецкий клуб Мекленбурга», всего лишь «поддерживали спортивный стиль жизни юнкеров», историк из ГДР Л. Эльснер установил, что главная цель этих обществ заключалась в борьбе за «третий рейх». Члены клубов систематически вели подрывную пропаганду против республиканского строя, рабочего и демократического движения. Руководители клубов барон фон Глейхен и юнкер фон Оерц возглавили кампанию по консолидации правых сил в последние годы республики и поддерживали постоянные связи с гитлеровской партией¹². Юнкеры только в 1933 г. передали нацистам около 40 млн. марок, а аристократы фон Флотов, фон Войрш, фон Гейдеберг стали организаторами штурмовых отрядов в Силезии, Померании и Мекленбурге¹³.

В современной буржуазной историографии ФРГ большое место занимают высказывания о роли тех или иных социальных и психологических факторов, политических организаций и отдельных лиц в событиях последних лет Веймарской республики. Изучение этих вопросов бесспорно важно. Без них трудно понять ход событий в те годы. Появление подобных работ можно было бы только приветствовать, если бы не стремление некоторых авторов использовать свои исследования для того, чтобы второстепенные причины прихода фашизма к власти выдать за главные, буржуазные политические партии изобразить сторонниками демократической альтернативы в развитии страны.

Примечательна в этом смысле изданная в ФРГ работа профессора Луизианского университета Р. Хеберле «Сельское население и национал-социализм», которая посвящена итогам выборов в Шлезвиг-Гольштейне. Автор пытается доказать, что фашизация политической жизни в Шлезвиг-Гольштейне и во всей стране произошла в результате поддержки нацистской партии населением отдельных сельских районов, независимо от их социальной структуры¹⁴. Однако более глубокое исследование Г. Штольтенберга, основанное на тщательном изучении жизни различных слоев крестьянства, показало, что политические течения среди сельского населения Шлезвиг-Гольштейна во многом зависели от социально-экономического положения отдельных групп крестьянства. Широкие слои мелких крестьян и сельскохозяйственных рабочих поддерживали СДПГ, КНП и Крестьянский союз Шлезвиг-Гольштейна, который часто выступал совместно с коммунистической партией в защиту прав трудящихся. В то же время крупное крестьянство и юнкерство составляли основу Ландбунда, Немецкой национальной партии, Христианско-национальной партии крестьян и сельского населения¹⁵. Созданный из этих партий в 1929 г. блок «Зеленый фронт» стал, по мнению Штольтенберга, ударной силой, которая способствовала падению Веймарской республики.

Этот тезис взялся оспаривать представитель консервативно-националистической историографии Г. Бейер, который утверждает, что «Зеленый фронт» был создан преж-

¹¹ W. G ö r l i t z. Die Junker. Adel und Bauern im deutschen Osten. Glücksburg, 1956, S. 349—350, 374.

¹² L. E l s n e r. Zur Funktion und Politik der Herrengesellschaft Mecklenburg (Deutscher Klub Mecklenburg). — «WZ», 1968, Hf. 2—3.

¹³ K. G o s w e i l e r, A. S c h l i c h t. Junker und NSDAP. 1931—1932. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (далее — «ZfG»), 1967, Hf. 4; A. S c h r e i n e r. Die Eingabe deutscher Finanzmagnaten, Monopolisten und Junker an Hindenburg für die Berufung Hitlers zum Reichskanzler (November 1932). — «ZfG», 1956, Hf. 2; Л. И. Г и н ц б е р г. В преддверии гитлеровской диктатуры. — «Новая и новейшая история», 1966, № 1.

¹⁴ R. H e b e r l e. Landbevölkerung und Nationalsozialismus. Stuttgart, 1963, S. 46.

¹⁵ G. S t o l t e n b e r g. Politische Strömungen im schleswig-holsteinischen Landvölk 1918—1933. Düsseldorf, 1962, S. 109—112, 128; E. H o e r h l e. Zum Bündnis zwischen Arbeiter und Bauern. Berlin, 1972.

де всего для защиты интересов сельского хозяйства и только благодаря его «постоянной полемике с НСДАП» распространение влияния фашизма на крестьянство было ослаблено. Тезисом о «постоянной полемике» буржуазных сельских партий с НСДАП Бейер пытается уменьшить роль коммунистической партии в борьбе против фашистской опасности.

Следует отметить, что западногерманские историки при объяснении причин прихода фашизма к власти очень часто преувеличивают роль отдельных главарей нацистского движения и их групп. Показательна в этом смысле работа Х. Гиса «Дарре и национал-социалистская аграрная политика». Гис приписывает решающее значение в распространении фашистского влияния в деревне «тактическому, организационному и пропагандистскому мастерству Дарре и созданному им аграрно-политическому аппарату НСДАП»¹⁶. По мнению Гиса, важнейшим фактором в ходе политической борьбы последних лет Веймарской республики явилась поддержка нацистской партии крестьянством в результате деятельности Дарре. При этом автор стремится представить данные о голосовании за Гитлера некоторой части крестьянства как первопричину фашистского переворота в Германии. На самом же деле это было его следствием. Крестьянство в условиях экономического кризиса было дезориентировано и обмануто, оно стало жертвой социальной демагогии нацизма¹⁷.

Таким образом, как свидетельствуют рассмотренные выше работы, представители псевдолиберального и консервативно-националистического направлений не смогли выявить социально-экономические предпосылки установления фашистской диктатуры в Германии, коренящиеся в государственно-монополистической сущности германского империализма. Они отказались от анализа эволюции капиталистических отношений и социального расслоения в сельском хозяйстве. А именно это лежит в основе понимания классовой борьбы и политических событий тех лет.

Видный представитель академической школы, советник боннского правительства Г. Хаусхофер — автор широко признанной концепции об аграрной политике нацизма после его прихода к власти. По мнению Хаусхофера, аграрная политика правительства Гитлера якобы содействовала быстрому развитию сельского хозяйства. В период с 1933 г. по 1938 г., как утверждает Хаусхофер, был достигнут «подъем сельского хозяйства», проведена его механизация, повышена покупательная способность крестьян, которые стали при этом «технически грамотными хозяевами». В это же время в сельском хозяйстве была создана система хозяйства, направленная на достижение экономической независимости страны и на подготовку войны¹⁸.

Итак, мы имеем следующую противоречивую схему: с одной стороны, — «подъем» сельского хозяйства, принесший улучшение жизни крестьянству, с другой — фашистская система управления, потребовавшая от крестьянства невероятного напряжения сил для достижения успеха в ходе подготовки к войне. Хаусхофер безусловно прав, когда пишет о создании в сельском хозяйстве системы всеобщего бюрократического регламентирования и контроля над непосредственным производителем¹⁹. Но нельзя согласиться с утверждением этого автора о «подъеме» сельского хозяйства и улучшении положения крестьян при фашизме. Главными показателями мнимого подъема автор считает рост производства сельскохозяйственной продукции и повышение покупательной способности крестьянства. Что касается первого аргумента, то он не выдерживает критики при сопоставлении темпов роста сельскохозяйственной продукции в период фашизма с предшествующим периодом. По подсчетам прогрессивного автора К. Диде, объем продукции сельского хозяйства с 1924/25 по 1928/29 гг. вырос на 16%, а с 1933/34 по 1938/39 гг. — всего лишь на 8%²⁰. Таким образом, темпы роста в годы Веймарской республики были в два раза выше, чем при фашизме. Некоторое улучшение «самоснабжения» страны продовольствием произошло главным образом за

¹⁶ H. G i e s. R. W. Darre und die nationalsozialistische Bauernpolitik. Koblenz, 1966, S. 162.

¹⁷ А. А. Г а л к и н. Германский фашизм. М., 1967, стр. 382—383; И. Д в о р к и н. Экономическая программа германского национал-социализма. М., 1933, стр. 58.

¹⁸ H. H a u s h o f e r. Die deutsche Landwirtschaft im technischen Zeitalter. — «Deutsche Agrargeschichte», Bd. V. Stuttgart, 1963, S. 265—266.

¹⁹ K. S t e i n b e r g e r. Die Agrarpolitik des Nationalsozialismus. Berlin, 1960.

²⁰ C. v o n D i e t z e. Grundzüge der Agrarpolitik. Hamburg—Berlin, 1967, S. 70.

счет сокращения нормы питания трудящихся и широкого применения всякого рода заменителей, так называемых эрзац-продуктов²¹.

Второй аргумент Хаусхофера о повышении покупательной способности сельского населения свидетельствует не об улучшении жизни крестьянства, как склонен считать автор, а прежде всего об активном проникновении в сельскохозяйственное производство финансового и промышленного капитала. Как известно, фашистский режим в принудительном порядке требовал от крестьянства широкого применения искусственных удобрений, тракторов и сельскохозяйственных машин. Под давлением властей крестьяне вынуждены были вкладывать в хозяйство дополнительные средства, чаще покупать сельскохозяйственную технику. Но это не служит свидетельством улучшения жизни крестьян, так как выгоды доставались прежде всего монополиям, производившим машины для сельского хозяйства. В годы фашистской диктатуры финансовый капитал захватил новые сферы производства. Мощные монополии взяли под свой контроль переработку и сбыт сельскохозяйственных продуктов, навязали крестьянству монопольные цены на сельскохозяйственную технику. Аграрная политика фашизма выражала стремление финансовой буржуазии и юнкерства добиться интеграции сельского хозяйства в систему государственно-монополистического капитализма²².

Сотрудник Калифорнийского университета К. Р. Ловин в статье «Об имперском продовольственном сословии» анализирует закон от 13 сентября 1933 г., на основе которого была создана эта организация, подробно разбирает ее структуру и деятельность. Ловин отмечает, что это «Сословие» представляло собой разветвленную систему управления сельским хозяйством. Во главе его стоял имперский министр продовольствия и сельского хозяйства, являвшийся одновременно «крестьянским фюрером». Через центральный аппарат и многочисленные земельные, окружные и местные организации «Сословие» контролировало важнейшие сферы производства, переработки и торговли сельскохозяйственными продуктами. Органы «Сословия», в которых важную роль играли чиновники и «почетные члены» (из числа зажиточных крестьян и юнкерства), распределяли кредиты, технику, регулировали цены и нормы поставок продовольствия государству. Собранный автором фактический материал свидетельствует, что гитлеровский режим в лице «Сословия» создал систему государственно-монополистического регулирования сельского хозяйства. Однако Ловин объявляет «Имперское продовольственное сословие» всего лишь «усовершенствованным механизмом контроля за сельскохозяйственным рынком». Сузив роль этой организации, автор искажает и социальную направленность ее деятельности. Он заявляет: «Имперское продовольственное сословие выравнивало коэффициенты доходов крестьянства»²³.

Методологическая непоследовательность автора не позволила ему вскрыть эволюцию аграрных отношений, привела к ложному выводу. Между тем известно, что деятельность «Имперского продовольственного сословия» способствовала тому, что за период с 1933 по 1939 г. основные средства производства (земля, скот, машины) у parcelных крестьян уменьшились в общей сложности более чем на 13%, у середняков — на 3—4%. В то же время кулацко-капиталистические хозяйства увеличили свою собственность по этим показателям на 7,1%²⁴. Обеляя «Сословие», К. Ловин не учитывает его роль как важнейшего инструмента в подготовке агрессивной войны.

В современной буржуазной исторической литературе псевдолибералов много внимания уделяется одному из главных мероприятий гитлеровского правительства в области сельского хозяйства — политике «наследственных дворов». Причем эти историки не ограничиваются изучением формально-правовых аспектов закона, а стараются опенить социальные последствия такой политики. Примером подобных исследований мо-

²¹ См. «Истощение экономических ресурсов фашистской Германии». М., 1943; Н. Г о л ь д ш т е й н, Р. Л е в и н а. Германский империализм. М., 1947.

²² К. D. H o e f t. Zur Agrarpolitik des deutschen Imperialismus von 1933 bis zur Gegenwart. Berlin, 1960.

²³ C. R. L o v i n. Agricultural Reorganization in the Third Reich: The Reich Food Corporation (Reichsnährstand), 1933—1936. — «Agricultural History», vol. XLIII, 1969, № 4, p. 447, 448.

²⁴ А. М. П е т р у ш о в. Аграрные отношения в Германии. М., 1945, стр. 159; W. H e r f e r t. Der Reichsnährstand — ein Instrument der Kriegspolitik des faschistischen deutschen Imperialismus. — «WZ», 1968, Hf. 2—3, S. 227 и сл.

жет быть работа Г. Франца «Политическая история крестьянства», а также книга Г. Борке-Штаргордта «Восточногерманские поселения между прогрессом, кризисом и политикой». В них авторы попытались пересмотреть устоявшееся мнение о том, что правительство Гитлера законом о «наследственных дворах» стремилось создать социальную базу для своего реакционного режима. По словам Франца, «национал-социализм на основе расовой теории Риле (один из идеологов закона. — А. А.) поднял социальный статут немецкого крестьянства»²⁵. Эта оценка коренным образом искажает социально-политические отношения в фашистской Германии и расходится с теми выводами, к которым пришли как марксистские ученые, так и некоторые историки Запада. Еще в 1941 г. Э. Гернле показал, что фашизм создал привилегии лишь для 800 тыс. кулацких и крупнокапиталистических хозяйств²⁶. Для остальных 5 млн. крестьян и сельских рабочих он принес не только экономическое закрепощение, но и лишил их политических и юридических прав. Как пишет Дице, «каждый крестьянин был объявлен солдатом в «битве за продукцию». Невыполнение этой обязанности влекло за собой брань, штрафы и концлагеря»²⁷.

В работах Франца и Борке-Штаргордта обнаруживаются наиболее серьезные проблемы псевдолиберальной историографии. В своем стремлении затушевать классовый смысл аграрной политики нацизма авторы используют конкретные социально-экономические данные для произвольных политических выводов. Эти схемы направлены на то, чтобы смягчить как-то в глазах современников итоги авантюристической политики нацизма.

В начале 60-х годов в связи с ростом влияния мировой социалистической системы, кризисом реваншистской идеологии западногерманского империализма, а также в результате опубликования обстоятельных работ историков Советского Союза, ГДР и других социалистических стран, в буржуазной историографии появились различные труды. Авторы некоторых из них попытались глубже проанализировать аграрную политику правительства Гитлера. Эти ученые нашли в себе смелость раскрыть правду об особой алчности и жестокости монополистической буржуазии и юнкерства, использовавших гитлеровскую диктатуру для собственного обогащения, для подготовки агрессивной захватнической войны. К числу таких авторов относятся Р. Кюнль, К. Дице, Д. Герц-Эйхенроде, Г. Штольтенберг и др. Их работы написаны с антимилитаристских, антиимпериалистических позиций. Эти исследователи образуют прогрессивно-либеральное направление в западногерманской буржуазной историографии.

Р. Кюнль и Г. Штольтенберг выступили с разоблачением политики правящей верхушки Веймарской республики, которая своим стремлением переложить тяжесть аграрного кризиса на плечи трудящегося крестьянства создавала объективные предпосылки для распространения нацистской демагогии в деревне²⁸. О политической и финансовой поддержке гитлеровской партии промышленниками и юнкерством на всех этапах ее существования пишет К. Д. Брахер²⁹. Д. Герц-Эйхенроде, анализируя формирование политических партий и расстановку политических сил в Восточной Пруссии с 1919 по 1930 г., пришел к выводу, что быстрый рост в провинции голосов, поданных за НСДАП (с 0,8% в 1928 г. до 47% в 1932 г.), явился непосредственным следствием шовинистической и милитаристской деятельности Немецкой национальной партии. Большинство членов этой партии перешло к нацистской партии и последняя, по словам автора, явилась «законной наследницей ННП»³⁰.

У авторов прогрессивного направления выработался свой взгляд и на оценку «Имперского продовольственного сословия». Вопреки официальной версии, приукра-

²⁵ G. Franz. Politische Geschichte des Bauerntums. Cell, 1959, S. 27. G. H. von Borcke-Stargardt. Der ostdeutsche Landbau zwischen Fortschritt, Krise und Politik. Würzburg, 1957, S. 83.

²⁶ Э. Гернле. Положение крестьянских масс в фашистской Германии. М., 1941, стр. 10; е го же. Германский крестьянин под ярмом фашизма. М., 1936.

²⁷ C. von Dietze. Op. cit., S. 70.

²⁸ R. Kühn l. Deutschland zwischen Demokratie und Faschismus. München, 1969, S. 43—44; G. Stoltenberg. Op. cit., S. 111.

²⁹ K. D. Bracher. Die deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus. Köln — Berlin, 1970, S. 110, 176, 240 и др.

³⁰ D. Hert z-E ichenrode. Politik und Landwirtschaft in Ostpreussen 1919—1930. Opladen, 1969, S. 65.

пывающей роль «Сословия», эти историки документально доказали, что «Имперское продовольственное сословие» являлось «синдикатом по эксплуатации немецкого сельского хозяйства»³¹. К. Брандт показал губительные последствия деятельности этого синдиката для сельского хозяйства страны в годы второй мировой войны³².

Новые стороны важного вопроса о финансировании фашизма осветил экономист из Швейцарии Р. Эрбе. Осудив гитлеризм, он впервые в буржуазной литературе обратил внимание на крупнейший источник финансирования хозяйства, на так называемые общественные инвестиции. По подсчетам Р. Эрбе, правительство Гитлера широко использовало общественные инвестиции, которые формировались из сбережений населения. Только в 1938 г. оно израсходовало их на сумму в 24 млрд. марок. Автор подчеркивает, что львиная доля их (73,8%) пошла на вооружение, что же касается сельского хозяйства, то его доля оказалась ничтожной: вместе с частными вкладами — 1 млрд. марок. Эрбе отмечает, что государственные капиталовложения в сельское хозяйство фашистское правительство заморозило на уровне 1928 г. В свете этих данных вполне оправданным представляется один из основных выводов автора о том, что «в экономической политике правительства Гитлера доминировали требования вооружения»³³.

Интересную мысль об аграрной политике фашизма высказал В. Бойенц, автор серьезного исследования о переселенческой политике. Он показал, что вопрос о поселениях был важнейшей частью аграрной программы НСДАП. Широкое рекламирование лозунга о создании для безземельных и малоземельных крестьян «гитлеровских деревень» позволило гитлеровцам усилить свое влияние в этих слоях крестьянства³⁴. О том, как этот посул был выполнен, известно. Общее количество ежегодных поселений с 7,8 тыс. в 1928 г. было сокращено до 3,3 тыс. в 1936 г. Причем среди новых поселений было 73% хозяйств размером свыше 10 га³⁵.

Стремление глубоко проанализировать экономическую политику гитлеровского правительства характеризует и работу В. Фишера. На основе изучения «аграрных учений» фашизма и важнейших мероприятий нацистов в области сельского хозяйства автор пришел к заключению, что «Гитлер на посту канцлера продолжил консервативную аграрную политику своих предшественников, которая основывалась на расовой идеологии Дарре и отражала прежде всего интересы остальбских юнкеров»³⁶. Этот вывод западногерманского историка имеет важное значение в связи с участвовавшими случаями грубого извращения характера аграрной политики нацизма профашистскими и неофашистскими авторами.

Неофашистское течение в буржуазной историографии возникло в середине 60-х годов на волне реваншизма и антикоммунизма и активизации неофашистских сил. Обстановка форсированной милитаризации ФРГ и наступления на демократические права народа обусловила появление работ, в которых проводилась открытая апология гитлеровского режима. В изданной в США книге Д. Шёнбаум захват гитлеровцами власти объявляет «социальной революцией». Чтобы снять ответственность с германского империализма за кровавый фашистский режим, автор попытался пересмотреть устоявшиеся в буржуазной литературе главнейшие вопросы истории нацизма. В своих измышлениях он доходит до того, что корни этого движения выводит из Великой французской революции, пишет о социальной схожести якобинства, рабочего движения и гитлеризма³⁷. Известно, что захват гитлеровцами государственного аппарата не изменил характера власти в Германии. Как отмечал Г. Димитров, «приход фашизма

³¹ C. von D i e t z e. Op. cit., S. 69 (необходимо учитывать, что в книге Диде наряду с научными выводами об аграрной политике фашизма встречаются и антисоветские выпады).

³² K. B r a n d t. Germany's Agricultural Policy in World War II, vol. II. Stanford, 1953.

³³ R. E r b e. Die nationalsozialistische Wirtschaftspolitik 1933—1939 im Lichte der modernen Theorie. Zürich, 1958, S. 4, 25, 109 и др.

³⁴ W. E. B o y e n s. Die Geschichte der landlichen Siedlung, Bd. II. Berlin—Bonn, 1960, S. 159.

³⁵ Н. С е г а л ь. Указ. соч., стр. 29—30.

³⁶ W. F i s c h e r. Die Wirtschaftspolitik des Nationalsozialismus. Lüneburg, 1961, S. 37.

³⁷ D. S c h o e n b a u m. Hitler's Sozialrevolution. Class and Status in Nazi Germany, 1933—1939. New York, 1966.

к власти — это не обыкновенная замена одного буржуазного правительства другим, а смена одной государственной формы классового господства буржуазии — буржуазной демократии другой его формой — открытой террористической диктатурой»³⁸. Государственный переворот, совершенный реакционными кругами финансового капитала, привел к полному уничтожению буржуазной демократии, к насильственному подавлению оппозиции, к государственно-монополистическому подчинению народного хозяйства, к новому туру гонки вооружений и захватнических войн³⁹. Все это праворадикальный фальсификатор истории заслуживает эгалитаристской концепцией нацизма, проповедующей «бесклассовость» фашистского рейха.

При описании аграрной политики фашистской диктатуры Шёнбаум извращает ее характер и превозносит главарей нацистского режима. Он пишет, что «Гиммлер и Дарре разработали грандиозный план социальной и экономической реконструкции немецкой деревни»⁴⁰. Этот вымысел автор использует для того, чтобы представить фашизм выразителем интересов всех групп и классов деревни, заявить о «социальной гармонии», якобы достигнутой при фашизме.

В последние годы появились «произведения» и неонацистских авторов. Они черпают свои идеи из кладеза расовой фашистской пропаганды и историографии. Если гитлеровцы в свое время объявляли крестьянство «источником нордической расы», то неофашисты пытаются внушить западногерманским крестьянам, будто они «должны остаться типобразующей силой в современном индустриальном обществе». Идеологи гитлеризма провозглашали крестьянство «главным носителем вечной юности народа и основой военной мощи», неонацисты же из НДП утверждают, что прежде всего крестьянство сохраняет «национальные основы и традиции народа». Неофашистские авторы превозносят «историческую» роль крестьянства, якобы «спасшего» нацию от голода в годы второй мировой войны⁴¹. Появление профашистских и неофашистских концепций свидетельствует о ревизии некоторых положений буржуазной историографии и отражает реакционную тенденцию в ее развитии.

Следует отметить, что в буржуазной исторической науке заметно углубился процесс научно-политической дифференциации. Это обусловлено противоречивыми тенденциями современного буржуазного общества. С одной стороны, общий ход развития империализма, усиление его реакционности толкает некоторых буржуазных авторов к апологии германского фашизма, к попыткам его реабилитации. С другой — активная борьба демократических сил против империалистической реакции и возрождения неофашизма укрепляет прогрессивное направление, создает объективные предпосылки для дальнейшего научного изучения проблемы.

Необходимо также иметь в виду, что общественное звучание данной темы таково, что от исследователя ныне требуется бескомпромиссный выбор теоретико-методологической позиции, объективной мерой которой является признание классового характера фашистской диктатуры. Апологетические концепции рождаются не только в результате сознательного стремления приукрасить историю гитлеризма, но и из-за игнорирования марксистской концепции о социальной сущности фашизма, вскрывающей истинные причины возникновения этого движения и разоблачающей вдохновителей его агрессивной политики. До тех пор пока буржуазные авторы не осознают эту истину, они неизбежно будут испытывать на себе пагубное влияние субъективизма.

³⁸ Г. Д и м и т р о в. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма. М., 1957, стр. 8.

³⁹ См. подробнее: W. U l b r i c h t. Der faschistische deutsche Imperialismus (1933—1945). Berlin, 1952; W. B a r t e l. Deutschland in der Zeit faschistische Diktatur 1933—1945. Berlin, 1956; Г. Л. Р о з а н о в. Германия под властью фашизма (1933—1939). М., 1961; В. Т. Ф о м и н. Агрессия фашистской Германии в Европе. М., 1963; Г. Н. Г о р о ш к о в а. Становление фашистского режима: узурпация и пропаганда. — «Ежегодник германской истории. 1969». М., 1970, стр. 381—414.

⁴⁰ D. S c h o e n b a u m. Op. cit., p. 165.

⁴¹ См. R. K ü h n l. Die NPD. Struktur, Programm und Ideologie einer neofaschistischen Partei. Berlin, 1967, S. 101; H. M a i e r. NPD. Struktur und Ideologie einer «nationalen Rechtspartei». München, 1967, S. 39—40.

